

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

Сильвен Марешаль – один из первых анархо-коммунистов

Дамье Вадим

Дамье Вадим

Сильвен Марешаль – один из первых
анархо-коммунистов
12/06/2012 – 08:19

Скопировано 07.03.2025 <https://aitrus.info/node/2576>

ru.anarchistlibraries.net

12/06/2012 – 08:19

Будущий анархо-коммунист, поэт, журналист и революционер Пьер-Сильвен Марешаль родился в 1750 г. в семье виноторговца. Он рос в парижском квартале, недалеко от рынка, где запахи мясной бойни и рыбы перебивали все другие. После изучения права он устроился на рабо-

ту в Библиотеку Мазарини и одновременно начал писать стихи, которые быстро распространились и принесли ему известность. За свой демонстративный атеизм Марешаль был уволен с поста библиотекаря. И тем не менее, в новой книге он демонстративно призвал заменить Христа "маленьким богом любви": ведь празднования в его честь проводятся ежедневно!

Когда началась Великая Французская революция, Марешаль продолжал вести "богопротивные" речи и сочинять стихи о любви. Он предложил проект нового революционного календаря и одним из первых высказался за провозглашение республики. Но не для того, чтобы власть перешла к буржуазии – а во имя социального равенства."Я не люблю королей, – писал он в послании Национальному собранию в 1791 г. ("Ее Величество Природа перед Национальным собранием"), – и еще меньше люблю богачей... Революция еще не совершена, и ее не будет до тех пор, пока вы вращаетесь в кругу тех же самых идей, которые вы хотите изменить лишь в нюансах... Вы декретировали отмену дворянства, но оставили в том же состоянии богатых и бедных, господ и слуг. Вы запретили первым иметь гербы и освободили вторых от гнета ливреи, но все эти различия – не более чем видимость: действительности вы тем самым даже не касаетесь". Марешаль настаивал на социальном углублении революции¹.

Поэт начинает издавать газету "Революсьон де Пари" ("Революции Парижа"), на страницах которой вел пропаганду социального равенства. "Неужели вы не замечаете, – спрашивал он в ней в мае 1791 г., – что Французская революция, за которую вы боретесь, говорите вы, как *гражданин*, представляет собой настоящий аграрный закон, проводи-

не может проникнуть в будущее завтра всеобщего счастья. Но что могут несколько тысяч недовольных против массы людей, счастливых и ошеломленных тем, что блаженство, которое они так давно искали, находится у них под рукой.

На следующий же день после этой подлинной революции они изумленно скажут себе: Как! Для всеобщего счастья нужно было так немного? Нам нужно было всего лишь захотеть его. Ах! Почему мы не захотели его раньше? Да, несомненно, если хоть один человек на земле богаче и могущественнее, чем подобные и равные ему, – равновесие нарушено, и на земле царят преступления и несчастье.

НАРОД ФРАНЦИИ!

По какому признаку ты должен определять отныне совершенство конституции?... Единственная, которая может привлечь тебя и удовлетворить всем твои пожеланиям, – это та, которая полностью основана на фактическом равенстве. Аристократические хартии 1791 и 1795 гг. ковали твои цепи, а не разбивали их. Хартия 1793 г. была крупным реальным шагом к настоящему равенству; никогда еще к нему не подходили так близко; но и она еще не касалась цели и не стала началом всеобщего счастья, которое торжественно провозглашала своим великим принципом.

НАРОД ФРАНЦИИ!

Открой глаза и сердце полноте блаженства: признай и провозгласи вместе с нами Республику Равных.

¹ K.Middell, M.Middell. Francois Noel Babeuf. Martyrer der Gleichheit: Biographie. Berlin, 1988. S.277-278

цель: покончить с общественными бедствиями. Никогда еще не выдвигали и не приступали к осуществлению более широкого замысла. Время от времени некоторые гении и мудрецы говорили об этом тихими и дрожащими голосами. Никто из них не осмелился сказать всей правды.

Настал момент для великих мер. Зло достигло своей высшей точки; оно скрыло лицо земли. Хаос под именем политики правит на ней уже почти столетие. Пусть все придет в порядок и встанет на свои места.

Пусть элементы справедливости и счастья организуются, заслышиав глас равенства.

Пришло время основать Республику Равных, этот великий приют, открытый для всех людей. Настают дни всеобщего возвращения. Стонущие семьи, придите и сядьте за общий стол, накрытый природой для всех своих детей.

НАРОД ФРАНЦИИ!

Тебе выпала наиболее чистая из всех разновидностей славы! Да, именно ты должен первым явить миру этот захватывающий спектакль. Старинные привычки, древние предрассудки станут снова чинить препятствия на пути учреждения Республики Равных. Организация настоящего равенства, единственно могущая удовлетворить все нужды, не требуя жертв, быть может, станет исходной точкой для всего мира.

Эгоист, честолюбец будет дрожать от ярости. Несправедливо имущие станут вопить о несправедливости. Те, кто в исключительном порядке наслаждаются благами, в одиночку испытывают удовольствие и пользуются личным достатком, будут ощущать живое сожаление по поводу немногих индивидов, пресытившихся в ущерб другим. Любители абсолютной власти, низкие приспешники произвола авторитета будут горестно оплакивать своих вождей, упраздненных настоящим равенством. Их близорукость

мый в жизнь народом? Народ уже вернул себе свои права. Еще один шаг – и он вернет себе и свое имущество. Самое трудное уже сделано...”². В книге “Поправки в интересах революции” (1793 г.) Марешаль провозглашает общность имущества, коммунизм.

В 1793 г. по всей Франции ставили его новую пьесу “Страшный суд над королями”. Марешаль изобразил, как все европейские монархи его времени вместе с римским папой оказываются на необитаемом острове, предоставленные своей собственной судьбе: без слуг, свиты, армий и богатств. Чтобы добыть хлеб насущный, им необходимо трудиться и договариваться между собой, как наладить жизнь. Но, зараженные эгоизмом и властолюбием, они на это неспособны и начинают драться друг с другом. Российская царица Екатерина набрасывается на папу и начинает его душить. Испанский король украдкой достает из кармана кусок хлеба, и все остальные нападают на него, пытаясь отобрать еду. Потом все принимаются ревниво следить друг за другом и обыскивать друг друга: не прячет ли еще кто-нибудь что-либо съестное? Наконец, природа не выдерживает: просыпается вулкан и погребает дерущихся эгоистов под слоем лавы и пепла!

Пьеса Марешаля не просто обличает монархов и дворян: она призывает к солидарности и взаимопомощи, без которых свобода и равенство не смогут помочь построить новую жизнь³.

К якобинскому террору и диктатуре Робеспьера Марешаль отнесся отрицательно. Он был арестован, брошен в тюрьму Сен-Лазар и чудом избежал казни. Некоторое время он надеялся, что свержение нового тирана 9 термидора

² П.А.Кропоткин. Великая Французская революция 1789–1793. М., 1979. С.190, 528, 544

³ Pierre-Sylvain Marechal. Das Juengste Gericht der Koenige. Ueberarbeitet vom Autorenkollektiv Muehsam. Frankfurt a.M., 1998

в 1794 г. откроет путь для дальнейшего развития революции. Но быстро понял, что ошибся. Он вступает в союз с другим сторонником коммунизма – Франсуа Бабефом (которому раннее неоднократно помогал) и публикует статьи в его газете "Трибун народа". "Революция не совершина до тех пор, – вновь заявлял поэт в №31 газеты, – пока люди не станут делить между собой плоды земли так же, как они делят солнечные лучи"⁴.

В марте 1796 г. Марешаль вошел в состав "Тайной дирекtorии" – революционного тайного общества во главе с Бабефом. Вместе они принялись готовить новое восстание трудового народа против захватившей власть буржуазии⁵.

Марешаль сыграл огромную роль в агитации движения во имя равенства. Написанная им "Новая песнь для предместьй" распространялась в виде афиш и листовок и даже передавалась из уст в уста.

Народ, лишенный прав своих,

Ты, мучим голодом, притих

И только стонешь, бедный,

Меж тем как наглый мироед,

Тобой щадимый столько лет,

Возносит клич победный.

Мошны набившая орда,

Ни сил не тратя, ни труда,

Жрет мед, забравши улей.

А ты, трудящийся народ,

Попробуй – может, впрок пойдет –

⁴ K.Middell, M.Middell. Francois Noel Babeuf... S.278

⁵ Гракх Бабеф. Сочинения. Т.4. М., 1982. С.9, 589

нежели разумом. Мы стремимся к вещи куда более возвышенной и справедливой, – общему достоянию, или обществу, совместно пользующемуся достоянием! Хватит индивидуальной собственности на землю, земля – ничья. Мы требуем, мы хотим общего (коммунального) пользования плодами земли: плоды предназначены всем.

Мы заявляем, что не можем больше терпеть положения, при котором огромное большинство людей трудится и обливается потом ради удовольствия ничтожного меньшинства.

Уже очень и слишком давно менее чем миллион индивидов распоряжается тем, что принадлежит более чем 20 миллионам им подобным, равных им.

Пусть прекратится это возмутительное, скандальное положение, в которое наши племянники не поверят! Исчезните, наконец, возмутительные различия между богатыми и бедными, большими и малыми, хозяевами и служителями, правителями и управляемыми.

Пусть не будет больше других различий между людьми, чем возрастные и половые. Раз у всех одни и те же нужды и одни и те же способности, пусть они получают то же самое образование и ту же самую пищу. Они довольствуются одним солнцем и одним воздухом на всех: почему же каждому из них не будет достаточно одной и той же порции пропитания одного и того же качества?

Но вот уже враги самого естественного порядка вещей из всех, какие только можно себе представить, обрушаются на нас.

Дезорганизаторы и мятежники, говорят они нам, вы хотите лишь убийств и грабежа.

НАРОД ФРАНЦИИ!

Мы не станем терять времени, отвечая им, но скажем тебе: святое дело, организуемое нами, имеет лишь одну

Мы все равны, не так ли? Этот принцип остается неоспоримым, поскольку, если человек не поражен безумием, он не станет утверждать среди ясного дня, что на улице ночь.

Ну что ж, мы претендуем отныне на то, чтобы жить и умереть равными, как и при рождении; мы хотим настоящего равенства или смерти; вот чего мы хотим.

И мы добьемся этого настоящего равенства, любой ценой. Горе тому, кто станет сопротивляться столь могучему порыву!

Французская революция – это всего лишь предвестник иной революции, куда более великой, более торжественной, и эта революция будет последней.

Народ перешагнул через тела королей и попов, объединившихся против него: он поступит так же с новыми тиранами, новыми политическими тартюфами, севшими на место старых.

Чего нам нужно еще, кроме равенства в правах?

Нам недостаточно этого равенства, прописанного в Декларации прав человека и гражданина, мы хотим его в своей собственной среде, под крышей наших домов. Ради него мы согласны на все, на отказ от всего, кроме ее одной. Пусть погибнут, если надо, все искусства, лишь бы у нас осталось настоящее равенство!

Законодатели и правители, чей ум не превышает их добросовестность, богатые и бессердечные собственники, тщетно пытаются вы нейтрализовать наше святое дело, заявляя: «Вы хотите всего лишь повторить этот аграрный закон, который уже однажды требовали до вас».

Клеветники, замолчите сами, и в молчании и смятении слушайте наши притязания, продиктованные природой и основанные на справедливости.

Аграрный закон, или раздел деревень был временным пожеланием нескольких беспринципных солдат, нескольких групп населения, движимых скорее своим инстинктом,

Глотать, как страус, пули.

Тень Гракхов, Брута призови,
Народной баловней любви,
И дрогнут богатеи.

Трибун, услыши наш скорбный стон,
Святого равенства закон
Нам начертай скорее.

Все привилегии долой!
Пусть Люксембург перед тобой
Склонится и Верона.
В стране, где граждане равны,
Султаны пышные смешны –
Пусть делят участь трона.

Ел долго желуди народ
Под властью тяжкою господ,
Он стал теперь умнее.
Шуанов Люксембургских нам
Не надо, как и тех, что там
Бесчинствуют, в Вандее.

Вы, мудрых планов мастера!
Спасти их от огня костра
Напрасны все усилия!
Оставьте же в покое нас,

Сумеет равенство без вас
Создать в стране обилье.

Нам Директорией писать
Запрещено, на нас печать
Наложена молчанья.
Так в братский заговор молчком
Для счастья общего войдем,
Собратья по призванью.

Двойной Совет, ценимый в грош,
Директора, которых в дрожь
Приводит слово «пика»,
Кормимый ласками солдат
И ущемленный демократ –
Вот лик республики великой.

Солдаты! Королевский трон
Был нами вместе сокрушен,
Нам святы ваши раны,
Но – ах! – вас нынче не узнать:
Ужель вы согласились стать
Дворцовою охраной?

Когда с войсками шел народ,
Он трона сокрушил оплот
И с ним Бастильи узы.

МАНИФЕСТ РАВНЫХ

НАРОД ФРАНЦИИ!

15 веков ты влачил рабское существование и потому был несчастен. Уже 6 лет ты затаил дыхание в ожидании независимости, счастья и равенства. Равенство! Первый обет природы, первая потребность человека и основной узел любой законной ассоциации! Народ Франции! Твое положение не более благоприятно, чем положение других наций, обитающих в этом несчастном мире! Всегда и повсюду бедный человек отдан на произвол более или менее ловким людоедам, служит игрушкой для всевозможных честолюбий и объектом для любых тираний. Всегда и повсюду людей убаюкивают красивыми словами: никогда и ничего из обещанного они не получают. С незапамятных времен нам лицемерно твердят, что люди равны, и с незапамятных времен над человеческим родом нагло тяготеет самое унизительное и самое чудовищное неравенство. С тех пор, как существуют гражданские общества, без возражения признается самый прекрасный удел человека, но ни разу еще не удалось его осуществить: равенство остается не более чем красивой и пустой фикцией закона. Сегодня, когда его требуют наиболее громко, нам говорят: «Замолчите, несчастные! Равенство – всего лишь химера; довольствуйтесь условным равенством; вы же все равны перед законом. Негодяи, чего же вам еще?». Чего же нам еще? Законодатели, правители, богатые собственники, выслушайте теперь нас.

Верные традиции якобинской "воспитательной диктатуры", они выступали за восстановление конституции 1793 года и установление жесткого переходного режима, который должен был подготовить народ к желанной свободе. Проект Марешаля был отвергнут, и Бабёф написал свой собственный манифест.

Так впервые в истории произошло разделение коммунизма на анархистский и авторитарно-государственнический.

Разногласия не привели к уходу Марешаля из движения, хотя и побудили его сократить размах своей активности. Возможно, поэтому он и не был известен предателю, который в итоге выдал членов "Общества равных" в самый разгар подготовки к восстанию. Поэтому удалось избежать неминуемой смерти на гильотине.

В последующие годы Марешаль уже не имел возможности открыто заниматься общественной деятельностью. Основное внимание он теперь снова уделял антиклерикальной и атеистической агитации. В это время он пишет "Культ и законы общества безбожников" (1797), "Словарь древних и новых атеистов", созданный им вместе с философом Ж.-Ж. Лефрансуа де Лаландом после отъезда из столицы в Монруж (1800), "За и против Библии" (1801). Марешаль по-прежнему сохранил верность своим передовым взглядам ("Путешествие Пифагора", 1799; "Всеобщая история", 1800), активно отстаивал права женщин ("Проект закона в защиту обучения женщин чтению", 1801)...

Сильвен Марешаль умер в полдень 18 января 1803 года в Монруже. Рядом с ним находились его жена Мари-Анн, подруга Мари Гасон-Дюфур. Похороны состоялись на следующий день. Последнее его произведение "О добродетели" вышло в свет посмертно, в 1807 году.

— Вадим Дамье

Тираны новые! Солдат
Поймет, что бедняку он брат,
Страшитесь их союза!

Себе пою я на беду:
За эту песнь я попаду
В узилище, я знаю;
И все же говорю я: пусть!
Ее заучит наизусть народ родного края!»⁶

Как свидетельствовал сам Бабёф, текст песни был расклеен "в громадном количестве на стенах предместий". Он с трудом протолкался через толпу, собравшуюся вокруг одной из таких вывешенных афиш. "Теперь она стала страшно модной. Ее напевают повсюду. И правильно делают, потому что содержание ее поистине революционно"⁷.

По поручению товарищей поэт пишет проект коммунистической декларации – "Манифест равных".

Равенство, утверждал Марешаль, – это "первый обет природы, первая потребность человека и основной узел всякой законной ассоциации". До сих пор революция лишь писала лозунг равенства на своих знаменах, но так и не осуществила его. "Всегда и повсюду людей убаюкивают красивыми словами: никогда и ничего из обещанного они не получают. С незапамятных времен нам лицемерно твердят, что люди равны, и с незапамятных времен над человеческим родом нагло тяготеет самое унизительное и самое чудовищное неравенство". Но когда народ требует равенства, правители отвечают ему: "Замолчите, несчастные!

⁶ Цит.по: Гракх Бабеф. Сочинения. Т.4. С.237–239

⁷ Там же. С.237

Равенство – всего лишь химера; довольствуйтесь условным равенством; вы же все равны перед законом. Негодяи, чего же вам еще”?

Необходимо добиться равенства любой ценой, пишет Марешаль, и в этом смысле Французская революция – лишь предвестник новой, еще более великой. В ходе нынешней народ покончил с тиранией королей и священников, в ходе второй будут низвергнуты новые тираны – “богатые и бессердечные собственники”.

Подлинное равенство, по словам Марешала, не будет повторением радикального требования Великой Французской революции – так называемого “аграрного закона”, то есть всеобщего равного распределения земли. “Мы стремимся к вещи куда более возвышенной и справедливой, – общему достоянию, или сообществу, совместно пользующемуся достоянием! Хватит индивидуальной собственности на землю, земля – ничья. Мы требуем, мы хотим общего (коммунального) пользования плодами земли: плоды предназначены всем”. Положение, при котором огромное большинство людей трудится ради удовольствия ничтожного меньшинства, недопустимо.

Таким образом, Марешаль открыто выступил за коммунистический принцип равного доступа всех к произведенным и имеющимся благам. Но какой же именно коммунизм он отстаивал?

На этот вопрос отвечает поистине великая фраза его “Манифеста”: *“Исчезните, наконец, возмутительные различия между богатыми и бедными, большими и малыми, хозяевами и слугами, правителями и управляемыми”*⁸. Речь идет о коммунистическом обществе

без правителей и правительства – об **анархистском коммунизме!**

“Манифест” не содержит более детального изложения будущего общественного устройства. Но взгляды Марешала на сей счет известны. Еще весной 1793 г. он опубликовал свои “Поправки в интересах революции”, в которых не только резко критиковал социальное неравенство и централизацию, но и предложил свою альтернативу: отказаться “от мании больших ассоциаций, дабы быть счастливыми, будучи собранными в малом числе”. “Не только сама природа вещей, но и теперешнее состояние гражданского общества... делают необходимым разделение людей на бесчисленное число маленьких ассоциаций”. Подобные ассоциации виделись Марешалю как автономные аграрно-ремесленные общини, состоящие приблизительно из 100 семей, связанных узами родства. “Семья будет вести общее хозяйство”, “каждый будет работать не на себя лично, а на всю «семью»”. Во главе семейных общин будет стоять старший в роде, который станет исполнять функцию посредника и служить моральным авторитетом. Профессиональная армия исчезнет. Женщина избавится от своего неравноправного положения и снова обретет равенство с мужчиной⁹.

Анархо-коммунистический проект Марешала не нашел поддержки среди централистского большинства членов “Общества равных”. Ход дебатов известен нам по книге одного из участников организации – Ф. Буонарроти. Бабёф и его приверженцы ничего не имели против общей собственности и коммунистического принципа в распределении, но они считали французский народ не созревшим для безгосударственного общественного устройства.

⁸ Цит. из “Манифеста равных” даны по: Буонарроти Ф. Гракх Бабёф и заговор равных. М.-Пг., 1923. С.67 – 71

⁹ А.Р. Иоаннисян. Коммунистические идеи в годы Великой Французской революции. М., 1966. С.151–158